

СТИХОТВОРНЫЕ ПОСВЯЩЕНИЯ ДОСТОЕВСКОМУ В ЛАТВИЙСКИХ ЭМИГРАНТСКИХ ИЗДАНИЯХ

Стихотворные отклики, посвященные памятным датам и юбилеям Достоевского, представляют собой любопытную страницу в истории литературы Русского зарубежья в Латвии. Фигура и творчество Достоевского не занимали в богатой культурной жизни и публицистике «русской Латвии» столь большого места, как Пушкин, юбилеи которого стали «актом единения» диаспоры.¹ Если Пушкин привносил позитивную мотивность в ощущения эмигрантской публики («Солнце русской поэзии...»), то имя Достоевского отражало «темные» интенции, якобы реализовавшиеся в судьбе русских. Отсюда актуализация темы «преступления и наказания», понимаемой в экзистенциальном смысле как судьба эмиграции, образа «мертвого дома», метафорически отождествляемого с пространством «пребывания изгнанников»; здесь же значимая мотивность «униженных и оскорбленных» с прозрачными поколенческими аллюзиями.

О значимости Достоевского для эмиграции недвусмысленно говорил ведущий публицист рижской газеты «Сегодня» Петр Пильский в юбилейной статье, посвященной столетию со дня рождения великого писателя: «Да, ни одному русскому поколению не был Достоевский так близок, как нам. Он наш. Его открыли мы.² Мы его реабилитировали. Мало: мы канонизировали Достоевского. Только

¹ Юбилей Достоевского 1921 г. был отмечен в Риге торжественным собранием, на котором с речами выступили К. И. Арабажин («Достоевский и Ницше»), М. Д. Вайнтроб, М. Я. Лазерсон, Л. И. Лиштван. Газеты поместили довольно скудные сообщения; исключение составляла газета «Сегодня», принявшая публикацию большого мемуарного эссе Александра Амфитеатрова «Достоевский на Пушкинских празднествах 1880 года» (1921. № 267, 268, 269, 270). Сама тема эссе, связавшего воедино имена Пушкина и Достоевского, свидетельствует о нерасторжимом единстве, глубоко осознанном представителями культуры Русского зарубежья.

² Следует отметить, что Пильский здесь не только имеет в виду эмигрантскую среду, но подчеркивает значение творческих поисков русских писателей и мыслителей начала века для «раскрытия» имени Достоевского. Описывая годы забвения творчества писателя, Пильский отмечает: «Прошло целых 20 лет (со дня кончины Достоевского. — П. Г.) и только тогда мы получили первую настоящую книгу о Достоевском — книгу Мережковского. А вокруг и вослед уже шли и другие исследователи — Розанов, Шестов, Волжский, Белый, Вячеслав Иванов, Леонид Гроссман, Ал. Закржевский, А. Вольнский, И. Анненский, Ю. Айхенвальд <...> вообще для нашей литературной среды Достоевский стал как бы фамильным гербом» (*Пильский П. О Достоевском // Сегодня. 1921. № 258. С. 2.*)

теперь стали задумываться над этими книгами как над учительским откровением.

Пророческие бреды Достоевского стали нашими бредами, его сны — нашей скорбью, его надрыв — нашим страданием, его видение — нашей действительностью.

Достоевского мы обрели как писателя, но история наших лет в нем открыла своего ясновидца. <...>

Литературные приговоры современности — наше *раскаяние* пред этим высоким и скорбным ликом. Но высочайшее и последнее оправдание Достоевского сотворила сама *история* этих лет.

Литература короновала писателя. Жизнь освятила *пророка*.³

Критик не только характеризует отдельные, но, по его мнению, ключевые черты поэтики Достоевского, но и определяет «провидческую роль» писателя: «Достоевский шел в школе литературных реалистов. В книгах у него *ни единого реального лица*.

Людей нет. Тел нет. Черт нет. Ни одного *типа*. <...>

Герои Достоевского — его *собственное беспокойство*. <...>

Великое русское зарево Достоевский провидел на расстоянии целого полустолетия. Своим пророческим взором он в него вглядывался прищуренно и жадно. Впрочем, он хорошо знал, что пожар неминуем и что это именно *пожар*. А такие видения влекли и дразнили его мысль. <...> В эти минуты истории он предстает нашему взору как самый огорченный лик, в русском писательском иконостае он кажется темным, коричневым, затененным, и глаза его смотрят спокойно, колко и скорбно».⁴

Тема пророка и провидца, разглядевшего *сегодняшнее*, а также мотив *духовного страдальчества* объединяет стихотворные тексты различных авторов: В. Третьякова, М. Айзенштадта и К. С-т. Разные как по поэтическому уровню, так и по содержанию, эти стихотворения тем не менее являются важным фактом в рецепции образа Достоевского русской эмигрантской средой Латвии.

Тексты печатаются по соответствующим номерам рижских и режикских (резекненских) изданий в соответствии с современной орфографией и восстановлением в скобках некоторых опущенных знаков препинания.

ПРОРОЧЕСКИЙ ЛИК

(Памяти Достоевского)⁵

Суров и темен лик иконный
И Русь острожная за ним,
Где душегубец бьет поклоны
И мерит тропы пилигрим.

³ Пильский П. О Достоевском.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

А с ним ему родные лики
В окошки смотрятся веков:
И скита праведник великий,
И Грозный Царь, и Годунов.

Он кроет тенью величавой,
Страдальной тенью нашу ширь,
И непреклонно вносит главы
В ней византийский монастырь.

А в окна узкие темницы
Простор сияет голубой,
В березках плещутся синицы
И бор хохочет над рекой.

Тысячелетняя Россия,
Как заводь вешняя, тиха,
Там копит силы земляные
И ждет покорно Жениха.

Виктор Третьяков⁶

ДОСТОЕВСКОМУ⁷

I

Неумолимая необходимость жить.
Жить так, как все. Не хуже и не лучше.
И свой экстаз божественный смирить
Припадками неистойвой падучей <>

И знать, что всё придуманная ложь,
Что всё неповторимо и превратно.
О, ты, эпилептическая дрожь <>
Усталости болезненные пятна!

Куда ведут извилины дорог?
Кого зову и кто меня услышит?
И кто он, страшный и косноязычный Бог,
Косноязычных и больных людишек?

II

И выйдет бес, с холодным блеском глаз,
Колочую щетиною покрытый,

⁶ Третьяков Виктор Васильевич (1888—1961) — один из виднейших поэтов «русской Риги», переводчик латышской поэзии.

⁷ Сегодня. 1921. № 259.

И скажет: «Трепещи, настал твой час,
Тебя зовет Великий Инквизитор».

И я пойду. В предчувствии конца
Глухое сердце будет биться чаще.
Я встречу Карамазова-отца
И сына Лизаветушки Смердящей.

И мы продолжим странный путь втроем.
Пройдем тайгу, пустыни снега — мимо!
Что ожидает впереди нас — мертвый дом
Или обитель мудрого Зосимы?

III

И в темноте бесстрастный лунный лик
Покажется бесстрастней и бездушной.
И подойдет к нам тихо проводник <,>
Одетый в рясу, как простой послушник.

И поведет нас дальше в ночь и в снег.
К иным паденьям и иным высотам.
И мы поймем, что нашей жизни бег
Не стоит маленькой слезинки Идиота.

Что униженным, оскорбленным не легко
Глядеть на мир с улыбкой всепрощенья,
Что будет наказание велико
За наши и чужие преступления.

М. К. Айзенштадт⁸

ПАМЯТИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО⁹

Он сам страдал — и понимал страданье,
Не тела лишь — души мученья,
Он все искал им в жизни оправданья —
И не нашел, и вывел заключенье,
Что ведь страдать и жить одно и то же
И что писатель тот, кто сам страдает,
Кому людская боль всего дороже,
Кто над писаньем слезы проливает...

⁸ М. К. Айзенштадт — еврейский поэт, автор многочисленных пародий; в 1920-е гг. много сотрудничал с газетой «Сегодня».

⁹ Журнал «Родная школа» (Режица—Резекне) (1931. № 4), специальная вклейка, выполненная на мелованной бумаге, с портретом Достоевского работы В. Перова.

Бедняк, больной в ужасном положеньи
Его учащем ласковым согреты;
Он поднял тех, кто был в униженъи;
Нарисовал мучителей портреты...

Там страсти низкие — там высшие порывы;
Безудерж и телесный и духовный...
А как герои все его болтливы!..
А слог его какой неровный!

Зато вопросы он какие ставит
Устами Карамазова Ивана!
Не я ль «хочу» одно всем миром правит? —
Мы вспоминаем фразу из романа...
Еще за Карамазовым мы спросим:
«Не всё ли нам позволено, не всё ли?» —
И поскорей в вопрос поправку вносим,
Что далеко не «всё» доступно нашей воле...

Смирись в своей гордыне, человече,
И о себе не думай уж так много!
Оставь безбожно-дерзостные речи —
Тебе ведь все же не дойти до Бога!..
Смотри: вот «богоносец» люд российский —
Как кроток он в своем долготерпеньи!
И ко Христу народ он самый близкий,
Он, как Христос, велик в своем смиренъи...

У русских эта ширь, размах всегдашний,
За всех людей какое-то боленье;
И не один у них покой домашний,
А к мировому счастью есть стремленье...
А единенье это братское народов —
Что выше есть такого идеала?
Любви, добра нам нужно — не доходов:
Нам жизни смысл дороже ка питала...

Вот Достоевский весь в своих созданьях:
Он в недра духа к нам проник глубоко;
Он безграничен в умственных дерзаньях,
И роль сыграл великого пророка...
И верил он, что наш вселенский гений
Сказать всем слово новое сумеет,
Что русский человек, в итоге достижений,
Когда-нибудь всем миром овладеет...

*К. С-т.*¹⁰

¹⁰ Авторство не раскрыто.